

Фрикен Алексей Федорович фон

**Римския катакомбы и памятники
первоначального христианского
искусства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
А47

А47 **Алексей Федорович фон Ф.**
Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства / Фрикен
Алексей Федорович фон – М.: Книга по Требованию, 2024. – 196 с.

ISBN 978-5-521-28721-5

ISBN 978-5-521-28721-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Немногія историческія эпохи могутъ представить большій интересъ, чѣмъ тѣ времена, когда христіанское ученіе начало распространяться въ римской имперіи и находить послѣдователей въ ея столицѣ. Переворотъ, произведенный новымъ вѣрованіемъ въ жизни и нравахъ римскаго общества, тѣ особенности, которыя выразились въ пониманіи имъ христіанскихъ идей и принциповъ, все это факты и явленія громаднаго значенія, и памятники, уцѣлѣвшіе отъ этой необыкновенной эпохи, должны быть для насъ особенно драгоцѣнны. Число ихъ притомъ очень ограничено; памятники литературы немногочисленны; въ первые вѣка христіане писали мало, а языческіе историки, не предугадывая великой будущности вѣры въ Спасителя, выразились объ этой новой, по ихъ мнѣнію восточной сектѣ, съ презрительною краткостью. Все, что тѣ и другіе сказали о первыхъ временахъ распространенія христіанства, не можетъ разоблачить намъ скрытое броженіе, вызванное имъ въ языческомъ обществѣ, ни представить его тайный ходъ, его постепенное развитіе. Это было бы намъ не извѣстно, если бы первые христіане не оставили послѣ себя катакомбъ и въ нихъ произведеній своего искусства. Потому то эти гигантскія подземныя кладбища, и все, что еще сохранилось въ нихъ, начиная отъ стѣнной живописи и мраморныхъ саркофаговъ до глиняныхъ лампъ и стеклянныхъ сосудовъ, до самыхъ ничтожныхъ повиdimому вещей найденныхъ въ гробахъ, достойны подробнаго изученія. Подобно тому какъ въ Помпѣи мы возстановляемъ нравы и понятія Римлянъ по произведеніямъ ихъ искусства, по тѣмъ предметамъ, на которыхъ, можно сказать, еще теплы слѣды ихъ жизни, — точно также въ римскихъ катакомбахъ—христіанской подземной Помпѣи — первобыт-

ное христіанское общество воскресаетъ для насъ въ своихъ памятникахъ.

Въ устройствѣ и расположеніи этихъ кладбищъ, въ искусствѣ первыхъ послѣдователей новаго вѣрованія, въ манерѣ выраженія чувствъ и религіозныхъ идей, въ украшеніяхъ и надписяхъ гробницъ, въ вызваніяхъ начерченныхъ на стѣнахъ, въ малѣйшей чертѣ или знакѣ оставленныхъ ими въ этихъ подземельяхъ, которыя были имъ такъ дороги, проявляется характеръ ихъ вѣрованій, надеждъ и стремленій, открываются самыя сокровенныя стороны, самыя душевныя особенности ихъ необыкновеннаго яравственнаго состоянія.

Памятники катаномбъ можетъ быть очень мало удовлетворяютъ нашъ эстетическій вкусъ, но исторія искусства касается художественнаго достоинства произведенія лишь на столько, на сколько это можетъ опредѣлить его характеръ и объяснить условія, подъ вліяніемъ которыхъ оно создалось. Одна эстетическая оцѣнка укажетъ намъ красоту памятника, такъ какъ мы ее понимаемъ, или отсутствіе ея, но не всегда опредѣлитъ его историческое значеніе, и не всегда способна увидѣть въ немъ выраженіе склада понятій современнаго ему общества. Въ красотѣ произведенія искусства однако, точно также какъ и въ его уродливости, которую эстетическая критика осудитъ, не входя въ ея дальнѣйшій разборъ и разсмотрѣніе, проявляется часть народнаго характера. Прекрасныя греческія статуи на столько-же объясняютъ намъ жизнь и вкусы древнихъ Грековъ, на сколько безжизненныя, противоестественныя и часто безобразныя фигуры египетскаго искусства разоблачаютъ намъ нравственное положеніе общества во времена фараоновъ; самый упадокъ искусствъ является такимъ-же вѣрнымъ помощникомъ опредѣленія моральнаго состоянія народа, какъ и высшая степень процвѣтанія ихъ.

Потому-то произведенія превосходныя въ эстетическомъ отношеніи такъ же важны для исторіи искусства, какъ и тѣ, которыя не выдерживаютъ никакой художественной критики. Эстетическая оцѣнка дѣлается такимъ образомъ отраслью исторіи искусства, вовсе не ея главною цѣлью.

Вообще одно отвлеченное, безусловное опредѣленіе законовъ прекраснаго едвали можетъ привести къ какому нибудь результату. Каждый народъ создаетъ себѣ свой идеалъ прекраснаго согласно со своими мыслительными способностями, нравственнымъ состояніемъ и подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя даютъ направленіе, формируютъ его жизнь, его

развитіе, и не преувеличивая можно сказать, что сколько было народовъ на землѣ, сколько образованій, столько же различныхъ понятій, или по крайней мѣрѣ отбѣнковъ въ понятія о прекрасномъ. Конечно между этими различными идеалами прекраснаго есть степени,—одни ближе стоятъ къ нашимъ понятіямъ, другіе дальше; одни выражаютъ больше общечеловѣческихъ разумныхъ началъ, другіе меньше; прекрасное одного народа болѣе удовлетворяетъ нашимъ стремленіямъ, болѣе нравится намъ, чѣмъ прекрасное другаго народа; но какъ бы близко оно не подходило къ складу нашихъ идей, въ немъ мы все-таки не найдемъ выраженія всѣхъ отбѣнковъ, всѣхъ особенностей чувствъ и мысли, которыя мы, сообразно съ нашей натурой и нашими понятіями, ищемъ въ своемъ идеалѣ прекраснаго. Мы постоянно будемъ удивляться красотѣ произведеній классическаго искусства. Всѣ благородныя способности челоѣка, все разумное его природы никогда не развивалось съ такой гармонической полнотой, никогда не достигало такихъ богатыхъ результатовъ и никогда не выражалось въ болѣе прекрасной формѣ, какъ въ древней Греціи. Пока на землѣ будетъ существовать хотя одинъ образованный челоѣкъ, изученіе всего, что оставили послѣ себя Греки, что выработали они для жизни, не можетъ прекратиться. Но выражаетъ ли прекраснострогій и разумно-холодный классическій идеалъ искусства всѣ наши идеи, всѣ ваши чувства и стремленія, отвѣчаетъ ли онъ вполне всѣмъ требованіямъ нашей нравственной натуры?... Я не думаю, чтобы можно было отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Новые принципы вошли въ жизнь со временъ греческихъ республикъ, горизонтъ знаній расширился, многія понятія измѣнились, новые элементы вошли въ нашъ моральный міръ, и нашъ взглядъ на прекрасное и на нравственное получилъ другое направленіе. Да и едвали мы можемъ теперь вполне понимать, классическое прекрасное, и извѣстно ли оно намъ по лучшимъ его образцамъ. Посредствомъ изученія мы поддѣлываемся подъ складъ понятій древнихъ Грековъ, приближаемся къ нему, но чувствовать и думать какъ они, намъ не возможно. Мы догадываемся, что они ощущали при видѣ изображеній своихъ боговъ и героевъ; но тысячи тонкостей, тысячи отбѣнковъ ихъ пониманія, ихъ оцѣнки ускользаютъ отъ насъ, и остаются намъ неизвѣстны. Одна часть ихъ идеаловъ для насъ умерла.

Потому-то такъ холодны, такъ безжизненны кажутся намъ произведенія искусствъ нашего времени, сюжеты которыхъ взяты изъ греческой мивологіи. Все, что художники могутъ теперь выразить, изображая гре-

ческихъ боговъ, будетъ столько же пусто, столько же безцвѣтно для насъ, сколько и далеко отъ понятій древнихъ Грековъ. Мы проходимъ равнодушно мимо подобныхъ картинъ и статуй и принимаемъ живѣйшій интересъ въ тѣхъ созданіяхъ современныхъ мастеровъ, которыя выражаютъ мысли, стремленія и наклонности нашего общества, нашего времени.

Но если нельзя себѣ представить существованіе одного прекраснаго на всѣ вѣка, народы и образованія, и постановить ему безусловныя законы, то по различнымъ понятіямъ о прекрасномъ и по памятникамъ искусства, въ которыхъ это всего живѣе и осязательнѣе выражено, дѣлается возможнымъ возстановить характеръ народа, опредѣлить степень его развитія, указать на его самобытныя силы и на вліяніе на него образованія другихъ народовъ.

Искусства идутъ неразрывно съ умственнымъ движеніемъ жизни общества и выражаютъ съ большею полнотою, чѣмъ другія проявленія его дѣятельности, всѣ особенности его характера и подробности его жизни. Сооруженіе монумента, постройка храма, собора, амфитеатра могутъ иногда дать болѣе опредѣленное, болѣе ясное понятіе о нравственномъ развитіи народа, о складѣ его идей, о его способностяхъ, стремленіяхъ и творческихъ силахъ, чѣмъ его войны и завоеванія. Потому-то памятники искусства, которые вообще гораздо труднѣе въ послѣдствіи измѣнить или поддѣлать съ какой бы то ни было цѣлью, чѣмъ памятники литературы, остаются самыми надежными свидѣтелями, самыми вѣрными представителями времени и общества, которое ихъ создало. Какою значительною помощью дѣлаются, напримѣръ, памятники искусства древнихъ Римлянъ для познанія и оцѣнки характера этого народа, и какъ не полно было бы наше понятіе о немъ, если бы не дошли до насъ произведенія его скульптуры, въ которыхъ чувственность и сила съ оттѣнкомъ суровости заглушаютъ иногда идеальную, преисполненную разумности и благородства красоту искусства Грековъ, перенятую у нихъ вмѣстѣ съ ихъ культурой; если бы не сохранились развалины величественныхъ римскихъ построекъ, гдѣ самые камни плотно сплоченные, которыхъ не могли оторвать другъ отъ друга столѣтія, гдѣ каждый пиластръ, упорно стоящій, презирая невзгоды временъ, гдѣ каждый смѣлый взмахъ арки или свода дышатъ тою грандіозностью, тою любовью къ порядку, тѣмъ здравымъ практическимъ смысломъ и упорнымъ терпѣніемъ въ достиженіи цѣли, которыя лежали въ основаніи гражданскаго строя

этихъ великихъ завоевателей, превратившихъ весь извѣстный тогда свѣтъ въ римскую провинцію. И развѣ мы не видѣли, какъ въ послѣднее время эпохи доисторическія дѣлались историческими, какъ цѣлыя народы съ ихъ иногда богатымъ и разностороннимъ образованіемъ, давно погибшіе, какъ казалось безъ слѣда, отъ которыхъ до насъ не дошло ни одного живаго слова, снова воскресли, снова явились на свѣтъ со своими религіозными идеями, со своими нравами и соціальными началами, со всѣми подробностями ихъ жизни, послѣ открытія памятниковъ ихъ искусства, или только обломковъ и остатковъ этихъ памятниковъ.

Исторія искусствъ, важность которой въ этомъ отношеніи была оцѣнена только въ послѣднее время, имѣетъ слѣдовательно главною цѣлью разъясненіе, обогащеніе и, при скудости или отсутствіи другихъ источниковъ, созданіе исторіи нравственнаго и умственнаго развитія извѣстнаго народа, общества, среды по памятникамъ ихъ искусства; она разсматриваетъ потому произведенія скульптуры, живописи, архитектуры не со стороны ихъ художественнаго достоинства, а по значительности характера эпохи, выраженаго въ нихъ, и по болѣе или менѣе полному его представленію. Такъ напримѣръ, образъ Богородицы IV-го столѣтія (фреска въ катакомбахъ св. Агніи въ Римѣ), въ которомъ замѣтно начинаетъ выражаться складъ религіозныхъ понятій восточныхъ народовъ и элементы ихъ искусства, который потому изображаетъ первое появленіе вліянія идей Востока въ Римѣ христіанскомъ, первый шагъ преобразованія классическаго христіанскаго искусства въ стиль византійскій, для исторіи искусства имѣетъ столько же значенія, сколько и любая изъ Мадоннъ Рафаэля, не смотря на то, что въ художественномъ достоинствѣ ихъ, какъ легко себѣ можно представить, неизмѣримая разниа. Равномѣрно многія фрески и скульптурныя работы, оставленныя христіанами въ катакомбахъ, не выдерживаютъ художественной критики; онѣ исполнены по большей части неискусною рукою посредственнаго мастера; но не взирая на это, для насъ онѣ столько же важны, сколько и современныя имъ произведенія римскаго языческаго искусства, которыя создавались не въ пѣдрахъ земли, а при свѣтѣ солнца, хотя послѣднія обыкновенно представляютъ красивыя формы и отличаются своею оконченностью, тогда какъ о первыхъ нельзя сказать того же самаго.

Но въ художественной нищетѣ первыхъ христіанъ, въ ихъ робкихъ и неискусныхъ попыткахъ выразить новое чувство, новое вѣрованіе старыми формами видишь слѣды тайной работы перерожденія общества,

видишь всѣ особенности нравственнаго состоянія этой необыкновенной эпохи, которая по своему значенію, по своимъ послѣдствіямъ едва ли имѣетъ себѣ подобную въ извѣстной намъ истор. и рода человѣческаго.

Но не взирая на свои несовершенства, работы художниковъ катакомбъ обладаютъ своего рода красотой и подобно тому, какъ произведенія первыхъ итальянскихъ мастеровъ періода возрожденія, не смотря на ихъ техничeskія погрѣшности, на неправильность рисунка, на отсутствіе перспективы, нравятся намъ своею искренностію, своею безыскусственною наивноcтью и болѣе трогаютъ насъ, чѣмъ блистательныя по колориту, по побѣжденнымъ трудностямъ рисунка и освещенію, но холодныя, напыщенныя и пустыя по содержанію картины мастеровъ эпохи упадка искусства въ Италіи. Точно также памятники первыхъ временъ христіанскаго искусства иногда неудовлетворительныя по формѣ, но вдохновленные и глубоко прочувствованные имѣютъ для насъ невыразимую прелесть.

Мы постоянно будемъ встрѣчать элементы римскаго азыческаго искусства въ памятникахъ катакомбъ, и періодъ классическій продолжается въ христіанскомъ искусствѣ до Константина. Въ эти три столѣтія въ немъ проявляется постепенный упадокъ. Исполненіе дѣлается менѣе тщательно, менѣе правильно, фигуры теряютъ выраженіе, жизнь и принимаютъ условное положеніе. Но въ четвертомъ столѣтіи христіанское искусство въ Римѣ и уже въ катакомбахъ начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ элементовъ до тѣхъ поръ совершенно чуждыхъ ему. Съ небрежностью въ исполненіи, съ постепенно возрастающею безжизненностью фигуръ и неумѣніемъ представлять ихъ, соединяется и измѣненіе въ самой натурѣ религіозныхъ изображеній, въ пониманіи ихъ характера, измѣненіе въ идеяхъ и чувствахъ, которыя имъ придаютъ, и которыя стараются выразить, представляя ихъ. Не трудно замѣтить, что эта перемѣна происходитъ подъ вліяніемъ религіозныхъ идей и понятій о Божествѣ восточныхъ народовъ, равно какъ и элементовъ ихъ искусства. Тутъ необходимо сдѣлать слѣдующее поясненіе.

Коренное различіе въ пониманіи божества, и слѣдовательно въ образѣ представленія его фигуративно, постоянно существовало до христіанства между Востокомъ и Греціей или, лучше сказать, между греко-римскимъ міромъ съ одной стороны и симетическими народами съ другой; развитіе послѣднихъ основывалось на совершенно другихъ началахъ и шло изъ иныхъ источниковъ. Боги эллинической мифологіи заимствуютъ многое изъ природы человѣка, стоятъ ближе къ смертнымъ, болѣе способны по-

принимать ихъ и быть постигнуты ими, въ идеи о нихъ входитъ больше философскихъ началъ; вообще они не такъ страшны для людей и не такъ произвольны съ ними, какъ божества Востока симетического и Египта. Различіе это могутъ объяснить слѣдующія причины.

Одно изъ главныхъ условий, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись и въ послѣдствіи преобразовывались вѣрованія древняго міра, это—дѣйствіе климата, видъ и феномены окружающей природы, въ которыхъ богъ первобытнаго человѣка проявляется ему; и если филологія доказываетъ намъ, что божества многихъ мифологій не что иное, какъ олицетвореніе явленій природы, то самое свойство послѣднихъ благопріятныхъ или враждебныхъ человѣку, большая или меньшая сила, съ которой она поражаетъ его разсудокъ и дѣйствуютъ на его чувство, опредѣляютъ характеръ самаго божества и обусловливаютъ понятіе составляющееся о немъ. Все необъяснимое для человѣка, котораго умъ невооруженъ знаніями и наукой, имѣетъ чудесный характеръ, такъ напримѣръ смѣняющіяся времена года, появленіе свѣта (восходъ солнца) и наступленіе тмы (ночи), жаръ и холодъ облечены въ божественные образы, враждующіе между собою почти во всѣхъ религіяхъ античнаго міра. Физическія явленія лежатъ потому въ основаніи мифологическихъ идей, а послѣднія составляются согласно впечатлѣнію производимому на человѣка феноменами природы. Слѣды этого вліянія не трудно найти во всѣхъ религіяхъ древнихъ народовъ, и оно не терлетъ своей силы при ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Языческіе боги мѣняли въ главныхъ чертахъ свой характеръ и свои атрибуты, при дѣйствіи новыхъ климатическихъ условий, въ слѣдствіе переселеній тѣхъ людей, которые имъ поклонялись.

Умственные способности каждаго племени и ихъ особенное направленіе являлись также главными дѣятелями въ составленіи вѣрованій и опредѣляли характеръ перемѣнъ, совершавшихся въ послѣднихъ съ теченіемъ времени при движеніи жизни, образованія и при дѣйствіи постороннихъ вліяній. Одинъ и тотъ же феноменъ природы, одно и то-же явленіе изъ моральнаго или матеріальнаго міра, поражая людей разныхъ племенъ, различнаго склада ума и свойствъ языка, одаренныхъ не въ одной степени способностію къ умственному соображенію, къ философскому размышленію, вызывали разумѣется разные результаты. Безъ сомнѣнія много другихъ причинъ участвовало въ формаци античныхъ поклоненій, но нельзя не согласиться, что сумма впечатлѣній окружающей природы, высшаго міра, и складъ мыслящихъ способностей человѣка, его спекулатив-

ныя силы главнымъ образомъ опредѣляютъ характеръ его религіозныхъ идей, которыя постоянно имѣютъ такое значительное вліяніе на направленіе моральнаго развитія, на гражданскій строй и на социальную жизнь общества.

Природа сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, преимущественно Греціи и южной Италіи, т. е. тѣхъ странъ, гдѣ при исключительно благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ и столько-же необыкновенной даровитости племени, населявшаго ихъ, развилась и процвѣтала классическая культура, прекрасная природа эта, богатая изящными формами, разнообразіемъ и пѣжными оттѣнками колоритовъ, проявленія которой почти постоянно умѣренны и преисполнены гармоніи, рѣдко страшатъ и пугаютъ человѣка, должна была возбуждать въ немъ свѣтлое понятіе о божествѣ, благосклонно расположенномъ къ смертнымъ, заставляла его весело смотрѣть на небо, освобождала его мысль, вызывала его энергію и самостоятельность, создавала въ воображеніи людей бога красивыхъ формъ, близкаго къ нимъ, щедраго расточителя земныхъ благъ побуждала ихъ видѣть въ каждомъ своемъ проявленіи, въ своихъ пластическихъ формахъ такъ легко поддающихся, вызывающихъ на олицетвореніе, божественные образы. Этими свойствами, этими атрибутами обладаютъ боги классической міеологіи съ человѣческими прекрасными формами, сущность которыхъ постигается разумомъ людей, раздѣляющіе страсти и слабости смертныхъ, иногда грозные въ слѣдствіе дерзости и безрасудства послѣднихъ, но не постоянно ужасающіе, не постоянно пригибающіе ихъ къ землѣ. Если мы и встрѣчаемъ у древнихъ Грековъ міеовы удаляющіеся отъ этого характера, — то это раннее вліяніе симетическаго Востока и Египта, или можетъ быть наслѣдство прежнихъ поглотеній, составившихся въ Греціи во времена переселеній, послѣ оставленія центральной Азіи, общей колыбели всѣхъ арійскихъ народовъ, скоро сглаживается, пропадаетъ и такъ сказать остается побѣжденнымъ болѣе гуманными принципами, болѣе человѣческими образами міеологіи, разившейся на эллинической почвѣ.

Напротивъ природа Востока симетическаго, Египта, Индіи, представляя человѣку однообразныя, безжизненныя пустыни, или высокія горы, широкія рѣки, поражая его разсудокъ своими громадными размѣрами или своимъ монотоннымъ вѣдомъ, всепоглощающею растительностію или загадочнымъ періодическимъ возвращеніемъ явленій, ужасая его силою своихъ феноменовъ, часто принимающихъ характеръ катаклизмовъ, без-

престанно повторяющимися наводненіями, засухами, ураганами или страшнымъ зноемъ, должна была пригибать смертнаго къ землѣ, убивать его силы, заставлять его смотрѣть на жизнь какъ на испытаніе и считать счастьемъ освобожденіе отъ нея, жаждать уничтоженія; или представляла ему божество какъ власть неумолимую, произвольную по преимуществу, часто губительную для людей, какъ существо строгое, грозное, загадочное, таинственное, не имѣющее ничего общаго съ человѣкомъ, не допускающее соперничества, требующее великихъ жертвованій со стороны людей, раздѣленное отъ нихъ непроницаемою далью, какъ силу невидимую, всеобъемлющую, всепоглощающую, абстрактную, образъ которой нельзя ни вообразить себѣ, ни представить, въ сущности которой пропадаетъ, уничтожается человѣкъ. Съ такимъ характеромъ является божество въ воображеніи Египтянъ, Сиаитовъ, которые отличаются отъ племенъ арійскихъ инымъ складомъ ума, иными свойствами языка, инымъ направленіемъ нравственнаго развитія и иными основаціями гражданскаго устройства. Подобной-же натурой обладали иногда боги древнихъ Индѣйцевъ, особенно что касается религіи Браммы въ дальнѣйшемъ ея развитіи, чему не мало способствовали климатическія вліянія необыкновенной силы.

Спекулятивныя способности двухъ древнихъ народовъ, Индѣйцевъ и Персовъ, очень близкихъ между собою по происхожденію и характеру, были постоянно направлены на составленіе метафизическихъ религіозныхъ системъ, которыя иногда, особенно въ минуту первоначальнаго ихъ развитія, приводили къ очень возвышенному и идеальному понятію о божествѣ, приближаясь къ свѣтлымъ религіознымъ идеямъ пророковъ всѣхъ Индо-Европейскихъ племенъ, когда они жили нераздѣльно въ центральной Азіи. Религіи Зороастра и Буды во многихъ отношеніяхъ стоятъ выше греко-римскаго политеизма; но отличительной чертой культуры древнихъ Грековъ было проявленіе въ каждомъ движеніи нравственной жизни, въ каждомъ дѣйствіи этого народа философскихъ идей вытекавшихъ не изъ религіозныхъ понятій, а изъ свободныхъ выводовъ человѣческаго разума, основанныхъ на наблюденіи и анализѣ. Можно сказать, что мораль эллиническаго міра была менѣе результатомъ религіозныхъ стремленій, чѣмъ философскихъ идей. Боги греческаго политеизма являлись иногда передъ судомъ смертныхъ, но если божество у древнихъ Грековъ не стояло на той высотѣ, какъ въ нѣкоторыхъ религіяхъ Персовъ и Индѣйцевъ, то человѣкъ стоялъ выше.

Точно такое-же различіе, какъ и въ религіозныхъ идеяхъ, постоянно существовало въ мірѣ античномъ, въ слѣдствіе тѣхъ-же причинъ, въ общемъ пониманіи прекраснаго и высокаго, между тѣми народами, тѣми центрами образованія, которые мы обозначили выше. На Востокѣ симетическомъ, въ Индіи, Египтѣ, въ области искусства никогда не могли представить красоту безъ преобладающаго чувственнаго, слабаго, изнѣженнаго характера; сильное и энергическое, не прибѣгая къ неестественному, тяжелому, массивному; величественное, не создавая неподвижное, громадное, напыщенное; граціозное, не впадая въ манерное, переукрашенное. Характеръ божества при его изображеніи въ искусствѣ народовъ этихъ странъ не передавался моральнымъ образомъ, проявленіемъ его мудрости и силы въ разумномъ выраженіи красиваго лица и въ прекрасныхъ формахъ человѣческаго тѣла во всей благородной простотѣ ихъ, какъ въ классическомъ искусствѣ, а выражался болѣе матеріальнымъ способомъ, прибѣгая къ ненатуральнымъ, ужасающимъ фигурамъ, къ колоссальнымъ размѣрамъ, ушюжая человѣческіе члены, какъ наприкладъ руки для представленія силы, глаза для выраженія всевидѣнія, или соединяя еще болѣе противуестественнымъ образомъ людскіе и звѣриныя члены для изображенія свѣшечеловѣческой хитрости, прозорливости, могущества и т. д.

Произведеніе искусства въ хорошее его время въ Греціи выражало гармоніей размѣровъ и изящными формами оживляющую его идею; напротивъ внѣ классическаго міра у древнихъ народовъ богатство украшеній и самаго пещества, роскошная внѣшность придавали моральное значеніе художественному созданію, а артистическое достоинство его опредѣлялось дороговизной матеріала, технической трудностію обработыванія его, препятствіями побѣжденными при этомъ, или рабскимъ подражаніемъ природѣ, повтореніемъ каждой ея мелочи, всего, что она представляетъ второстепеннаго и незначительнаго; тогда какъ тѣло человѣческое часто уродовали, давая ему положенія, при которыхъ жизнь невозможна.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первую минуту своего проявленія искусство въ Греціи имѣло нѣсколько восточный характеръ, но при самостоятельномъ развитіи оно скоро отъ него удалилось. Неподвижныя фигуры, условныя позы, стереотипическія лица оживляются и вдохновляются подъ рукою греческихъ мастеровъ. Будучи отброшены въ хорошее время классическаго искусства, элементы искусства симетическихъ народовъ стояли, такъ сказать, у дверей странъ эллинической культуры и выража-